

В третьей статье цикла, посвященного стилистике позднего конструктивизма и роли И. И. Леонидова в ее формировании, рассмотривается использование и трансформация леонидовских мотивов в позднем творчестве М. Я. Гинзбурга (1935–1945 гг.) с привлечением малоизвестного и ранее не опубликованного материала и авторских реконструкций.

Ключевые слова: И. Леонидов; М. Гинзбург; Ле Корбюзье; стилистик; постконструктивизм; поздний конструктивизм. /

The third article of the series devoted to the stylistics of late constructivism and the role of I. I. Leonidov in its formation reviews the use and transformation of Leonidov's patterns in the late creative works by M. Ya. Ginzburg (1935–1945). The study includes little-known and previously unpublished materials and the author's reconstructions.

Keywords: I. Leonidov; M. Ginzburg; Le Corbusier; stylistics; postconstructivism; late constructivism.

М. Я. Гинзбург: стилистика 1935–1945 гг. / M. Ya. Ginzburg: Stylistics (1935–1945)

текст
Петр Завадовский /
text
Petr Zavadvovsky

Футино-архаическая стилистика позднего творчества Леонидова как своеобразное и внутренне закономерное явление была выявлена и проанализирована в статье «Иван Леонидов и «стиль Наркомтяжпром» [1, с. 112–119]. Тема продолжена второй статьей [2, с. 88–96], в которой на основе выявленных ранее стилистических признаков рассмотрены свидетельства влияния И. И. Леонидова в объектах, создававшихся в его присутствии, но записанных за иными авторами. Они свидетельствуют о степени влияния и дают аргументы в пользу уточнения атрибуции этих объектов с учетом творческого вклада Леонидова.

Следующим шагом становится дальнейшее расширение рамок исследования, включение в него ряда объектов, несущих черты формального влияния Леонидова, однако возникших без его участия. Их создатели, при всей индивидуальности авторской манеры, систематически оперировали хорошо узнаваемыми элементами формального словаря Ивана Леонидова.

Для сегодняшнего восприятия и оценки творчества «мастеров авангарда» характерно сформированное поколениями исследователей (наиболее выдающимся из которых был С. О. Хан-Магомедов) заведомое предположение их работ авангардистского периода, составивших международную славу «советского конструктивизма». Позднее творчество данных мастеров оказалось в тени этого блестящего периода, став жертвой его популярности. В свете господствующего модернистского мейнстрима все отличия от канонизированного авангардистского стандарта стали оцениваться как нежелательные отклонения, результат насильственного искажения творческих намерений, существенно уменьшающего ценность и значение поздней архитектурной практики недавних «мастеров авангарда».

Этот феномен был нами отмечен на примере творчества Ивана Леонидова [1, с. 112]. Но он ничуть не менее характерен и для восприятия наследия других фигур авангарда, не исключая крупнейших, в том числе и героя настоящей статьи М. Я. Гинзбурга.

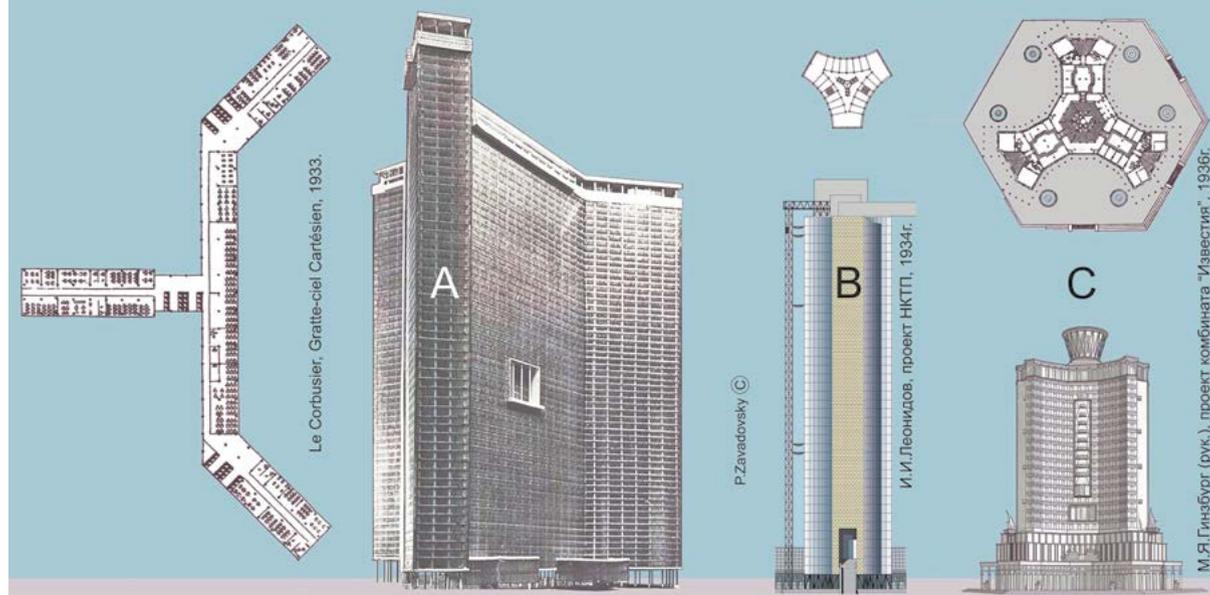
Следствием этого, ставшего привычным, пренебрежения оказывается отсутствие языка, позволяющего описать и анализировать архитектуру позднего конструк-

тивизма. Она в равной степени противоречит стереотипам как ортодоксального функционализма, так и академического неоклассицизма – двух разновидностей формального языка, вполне освоенных сегодняшними историками архитектуры. Не укладывающаяся в их рамки экстравагантность форм и мотивов непонятого происхождения ставит в тупик исследователей, не находящих слов и понятий для их анализа и описания. В качестве примера приведу фразу С. О. Хан-Магомедова, касающуюся позднего проекта М. Я. Гинзбурга (о котором ниже поговорим подробнее), с помощью которой исследователь избавил себя от необходимости подробного разбора чуждого и непонятого ему проекта: «Интересно решение с точки зрения функциональной организации всего комплекса и отдельных корпусов, проект носит на себе следы лабораторной работы по экспериментированию с различного рода необычными по форме объемно-пространственными композициями» [3, с. 58].

Просматривая имеющиеся монографии, посвященные архитекторам 1930-х годов, нетрудно заметить контраст между подробным разбором их авангардистских произведений и беглым упоминанием их поздних работ, вызывающих очевидное смущение исследователей.

Ценная попытка выработки аналитического языка, облегчающего понимание архитектуры поздних 1930-х, содержится в недавнем исследовании Александры Селивановой «Постконструктивизм» [4, с. 102–174]. Однако рассматривая «постконструктивизм» как единое целое и поверяя его лекалами западного ар-деко, исследователь концентрируется на общем «стиле эпохи», неизбежно нивелируя разнообразие стилистических течений, различных по генезису и творческой природе. Цели настоящей работы менее амбициозны: раскрыть и понять лишь одно, хотя и важное, течение советской архитектуры 1935–1940 годов – проектную практику М. Я. Гинзбурга, а затем архитекторов его круга. Рабочей гипотезой, которую мы постараемся доказать, является существенное значение формально-стилистического языка И. И. Леонидова для формирования стилистики «позднего конструктивизма»; то, что именно позднее творчество Леонидова является искомым ключом для адекватного понимания этой архитектуры.

^ Рис. 1. Конкурсный проект комбината газеты «Известия». Варианты 1–2. Вид ансамбля со стороны реки. Слева – клуб, справа – офисная башня. Арх. М. Я. Гинзбург (рук.), Ф. И. Михайловский, А. М. Гражданкин, Ф. И. Яловкин. 1936

< Рис. 2. А – проект «картезианского небоскреба» Корбюзье, 1933; В – трехлучевая башня И. И. Леонидова из проекта НКТП, 1934; С – проект башни «Известий» группы М. Я. Гинзбурга, 1936, приведенные к одному масштабу

Наконец, несколько слов нужно сказать о непосредственном объекте рассмотрения – проектных и иллюстративных материалах. Своеобразие отношения к архитектуре этого периода не могло не отразиться на степени их сохранности и публикациях. В настоящее время, когда доступ к архивным собраниям затруднен, полное исследование всего корпуса имеющегося материала остается делом будущего. Поэтому придется ограничиться тем, что было опубликовано в профессиональной прессе 1930-х годов и изданиях последних десятилетий. Некоторые, ранее не публиковавшиеся в СССР и России изображения, можно встретить на западных ресурсах. Качество этих материалов, как правило, требует их значительной графической обработки, что практиковалось еще С. О. Хан-Магомедовым, перечерчивавшим журнальные иллюстрации 1920-х годов, исходное качество которых не позволяло их повторное использование. В ряде случаев оказывается полезно наложение нового чертежа на ослабленный оригинал для демонстрации верности его воспроизведения.

При рассмотрении зрелого и позднего творчества М. Я. Гинзбурга необходимо учитывать, что для него была характерна работа в соавторстве с одним или несколькими коллегами, причем смена соавтора нередко отражалась на стилистике проекта. Возглавив Мастерскую № 3 Наркомтяжпрома, Гинзбург стал «руководителем авторского коллектива», специализировавшегося на крупномасштабных ансамблевых и градостроительных проектах, отдельные части которых имели конкретных авторов. Так, например, только недавно, с приобретением ГНИМА им. А. В. Щусева архива И. Ф. Милиниса, стало известно о его авторстве жилой застройки в проекте «Красный камень» в Нижнем Тагиле. Указывая авторство М. Я. Гинзбурга, необходимо поэтому учитывать условность такой атрибуции и сохраняющуюся возможность ее уточнения.

При рассмотрении творчества М. Я. Гинзбурга после 1935 года будут опущены объекты, имеющие конкретных авторов, в которых участие Гинзбурга заключалось в роли «руководителя» (без какого-либо приуменьшения его роли и авторства). Это рассмотренный ранее санаторий НКТП в Кисловодске и проект застройки «Красный Камень» в Нижнем Тагиле, автором большей части ко-

торой, как недавно выяснилось, является И. Ф. Милинис [5, с. 136–143].

1. Конкурсный проект комбината «Известий» (1936)

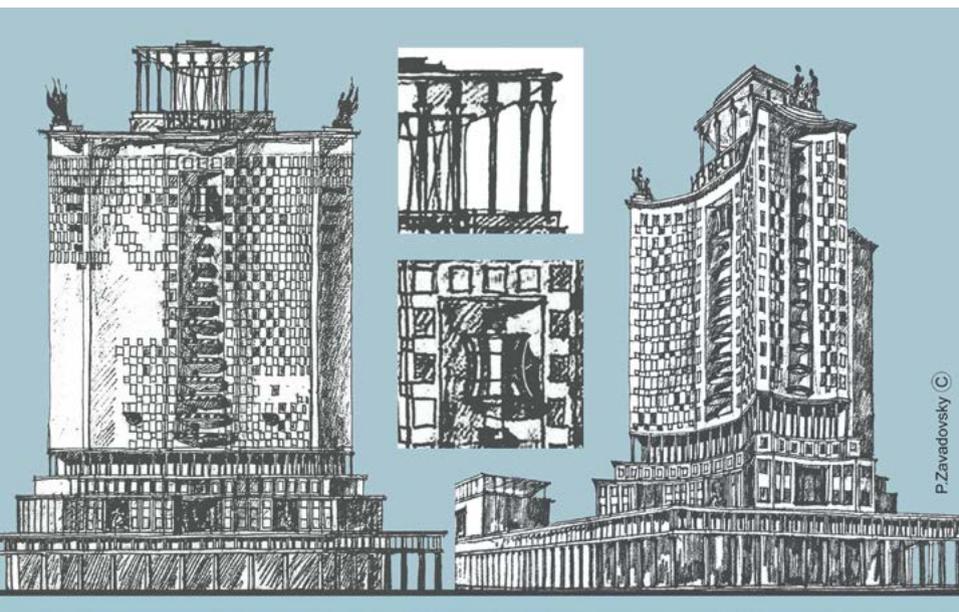
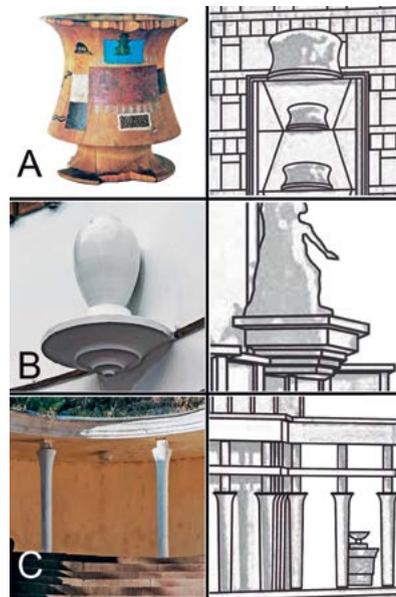
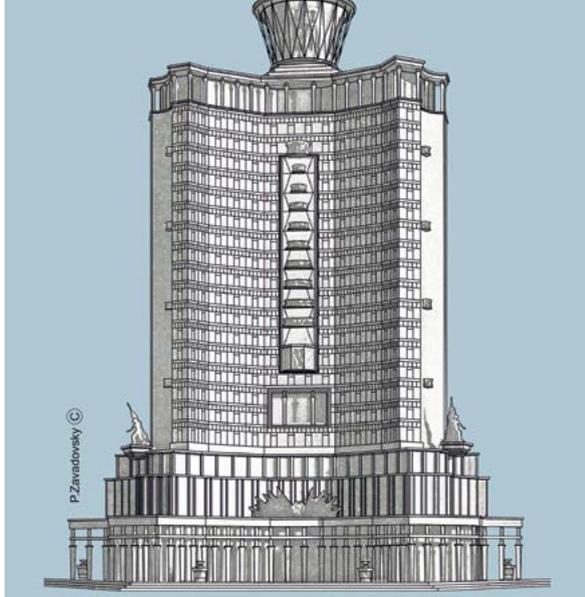
Комплекс зданий комбината проектировался на Берсеневской набережной и площади Киевского вокзала. Материалы этого крайне важного, но до сих пор недооцениваемого, проекта еще ждут своего полного выявления, исследования и публикации. Для ограниченных целей настоящего исследования достаточно иллюстраций из архитектурной прессы 1930-х годов и монографий С. О. Хан-Магомедова, посвященных М. Я. Гинзбургу, которые существенно дополнены пакетом фотографий макета и эскизов, не так давно размещенных на портале thecharnelhouse.org [6]. Именно они дают возможность уверенно говорить о присутствии характерных леонидовских мотивов в этом и, как мы позже покажем, последующих проектах мастерской М. Я. Гинзбурга.

В ходе работы над конкурсным проектом выполнено не менее трех вариантов решения комбината. Из них нас будут интересовать варианты 1–2, отличающиеся наличием трехлучевой в плане офисной башни и многогранного призматического объема клуба (рис. 1). Для удобства дальнейшего анализа и во избежание проблем с правообладателем автором статьи были исполнены перспективные виды частей ансамбля на основе фотографий с макета. Соответствие их оригиналу читатель может оценить в первоисточнике: башни [7] и клуба [8].

1.1. Административная башня

Тип административного здания на трехлучевом плане, вероятно, впервые был предложен Г. Пельцигом в 1921 г. Однако учитывая, что, начиная с 1927 года, проектная практика М. Я. Гинзбурга и всего его окружения из ОСА развивалась в тесной связи с творчеством Ле Корбюзье, наиболее вероятным прототипом башни комбината «Известий» является т. н. «картезианский небоскреб» Корбюзье, в своем трехлучевом варианте впервые появившийся в 1933 году в проектах для Стокгольма и Антверпена [9, с. 154–159]. На рис. 2 показаны приведенные к одному масштабу «картезианский небоскреб» Ле Корбюзье 1933 года (2 А), трехлучевая башня И. И. Леонидова из проекта НКТП 1934 года (2 В)

> Рис. 3. Фасад башни «Известий» и его детали в сопоставлении с характерными элементами стилистики Ивана Леонидова. Чертеж автора статьи на основе фото с макета

^ Рис. 4. Проект комбината «Известия». Эскизный вариант решения башни. Фасад и перспектива

и проект башни «Известий» М. Я. Гинзбурга (2 С). Здесь можно оценить и гигантизм замыслов Корбюзье (заметьте, при полном отсутствии лестниц), и такие элементы его архитектуры, как нижняя и венчающая колоннада или многоэтажная двухколонная лоджия по оси фасада, перенесенные Гинзбургом в башню «Известий». Начиная с проекта Лиги Наций, в творчестве Корбюзье усиливаются монументальные аспекты, в частности, проявившиеся в московском здании Центросоюза. Эти тенденции, чутко уловленные советскими последователями Корбюзье, получили развитие с возникновением спроса на более представительную архитектуру после 1932 года.

Детали архитектуры фасадов башни «Известий» обнаруживают близкую связь с формальным языком И. И. Леонидова. Перечислим их поэлементно в соответствии с рис. 3.

3 А. Гиперболические эркеры и балконные ограждения с признаками суперграфики. К гиперболическим элементам следует добавить и венчание здания в виде

половинки гиперboloида в окружении ажурной сетки перекрещивающихся тяжей.

3 В. Консольные пластически разработанные площадки для монументальной скульптуры. В отличие от полукруглых у Леонидова трибун (балконов, декоративных консолей; здесь показан элемент декора холла санатория в Кисловодске), Гинзбург делает свои гранеными.

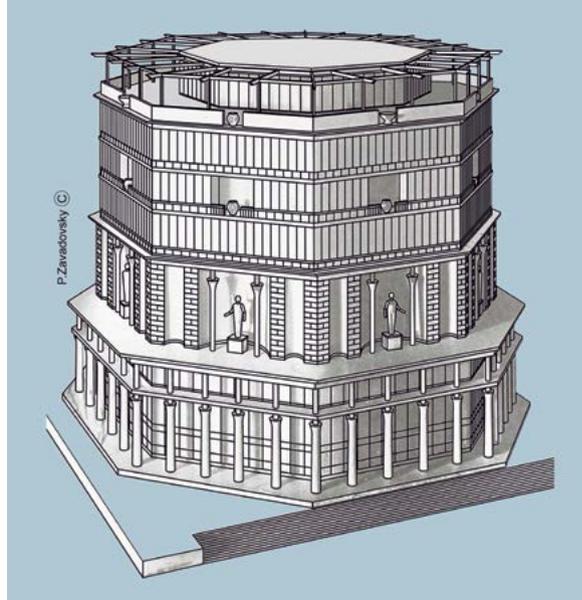
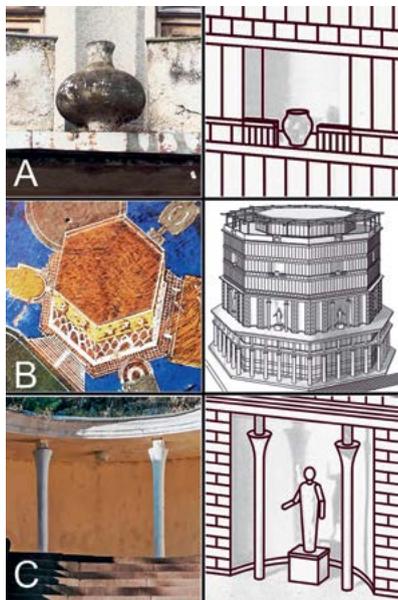
3 С. Характерно леонидовские египтизирующие колонны. На иллюстрации – нижняя колоннада башни с колоннами, аналогичными экседрам лестницы в Кисловодске. Подобные колонны немного других пропорций применены также в верхней колоннаде и двухколонной лоджии башни Гинзбурга.

На варианте проекта, известном нам в эскизах, интересны фасад и перспектива, показывающие эти леонидовские мотивы едва ли не более отчетливо. Гиперболический эркер по оси фасада здесь крупнее, и его суперграфика видна более отчетливо. Венчание решено в виде колонной ротонды с леонидовскими египтизирующими колоннами, а консольные граненые основания для скульптурных групп перенесены с цокольной части на уровень карниза основного объема (рис. 4).

1.2. Здание клуба

В практике М. Я. Гинзбурга клубное здание в форме многогранной призмы здесь появляется впервые. В то же время оно является одной из излюбленных форм И. И. Леонидова. Примененная им впервые в 1933 году в проекте клуба газеты «Правда» (рис. 4 А) как десятигранник, она была повторена в проекте колхозного клуба с залом на 180 мест 1935 года как пятигранник (рис. 5 В) и в виде шестигранного клубного здания в Ялте в проекте застройки Южного берега Крыма 1936 года (рис. 5 С). Все многогранные клубы Леонидова имеют общую структуру с остекленным низом, где расположен входной холл, окруженный клубными помещениями, и зрительным залом сверху, выраженным на фасаде глухим объемом. Характерны облицовка с корбюзийским рисунком и редкие декоративные лоджии.

Клубный корпус в проекте комбината «Известий» М. Я. Гинзбурга полностью воспроизводит эту леонидовскую схему, давая ее парадный, столичный вариант

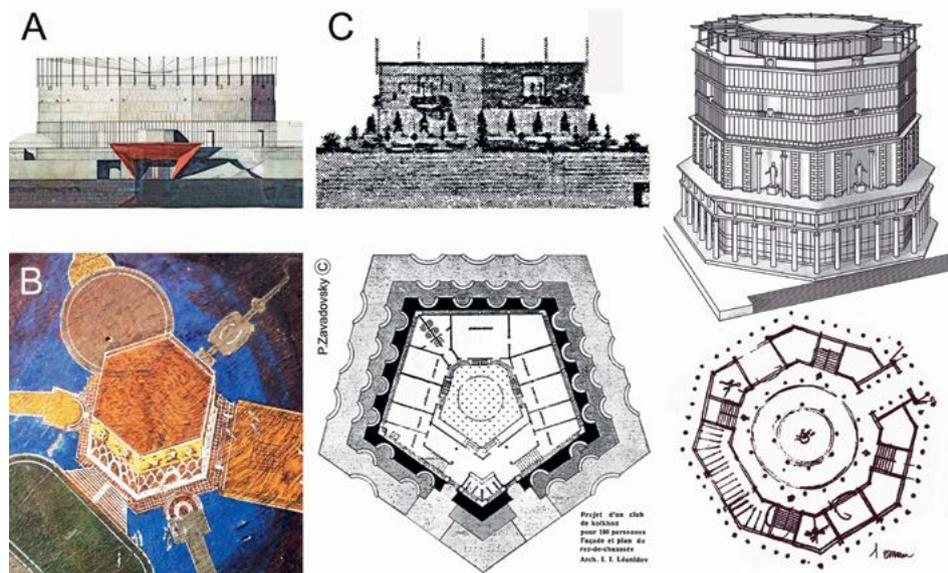
< Рис. 6. Клубный корпус комбината «Известия» (справа). Детали архитектуры в сопоставлении с леонидовскими аналогами (слева). Чертеж автора статьи на основе фото с макета

с колоннадой, окружающей первые остекленные этажи. Даже венчающая пергола, излюбленный прием Гинзбурга, находит соответствие в коллизеоподобной ажурной конструкции велама в проекте клуба газеты «Правда» Леонидова (рис. 5).

Тесная связь проекта Гинзбурга с леонидовской стилистикой находит многочисленные подтверждения в детализовке здания.

Окружающая здание по низу колоннада аналогична такой же колоннаде башни. Ее колонны также аналогичны колоннам навесов эскедр леонидовской лестницы санатория НКТП в Кисловодске. Такие же колонны, более стройных пропорций, украшают лоджии верхней части здания клуба (рис. 6 С). В разрывах парапетов лоджий и верхней террасы установлены расписанные вазы. Они поставлены в разрывах глухих парапетов совершенно аналогично тому, как их применяет Леонидов в проекте дома в Ключиках 1935 года и южном фасаде 1-го корпуса санатория в Кисловодске (рис. 6 А). Таким образом, «леонидовский» характер клуба «Известий» оказывается едва ли не более полным, чем у рассмотренной нами ранее офисной башни (рис. 6).

Многогранная призма, как и другие элементы леонидовской стилистики, не останутся в творчестве М. Я. Гинзбурга изолированным эпизодом. В завершение этого раздела присмотримся к фрагменту большой карикатуры К. П. Ротова из журнала «Крокодил» 1937 года, посвященной предстоящему I Съезду советских архитекторов и демонстрирующей восприятие современниками стилистических поисков поздних конструктивистов. На ней М. Я. Гинзбург изображен за прилавком, с напоминающей гигантский флакон башней по левую руку и многогранником клуба, также напоминающим парфюмерную упаковку – по правую. По оси башни-флакона идет вертикальная надпись «Моя мечта» с логотипом ТЖ внизу. «ТЖ» – это «Трест Жиркость», основной производитель мыла и парфюмерии в довоенном СССР. Фигура, стоящая перед прилавком спиной к зрителю – это, согласно подписи к карикатуре, «архитектор Мельников на себе лично пробует те методы, какими он пользовался в своих проектах».

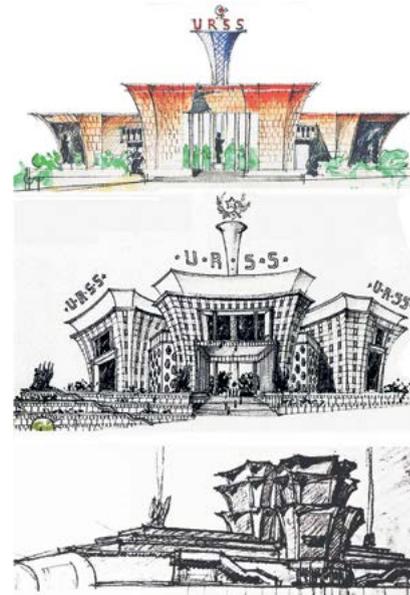
^ Рис. 5. Клубный корпус комбината «Известия» (справа) в сопоставлении с многогранными клубами Леонидова (слева)

< Рис. 7. М. Я. Гинзбург с проектом комбината «Известия». Фрагмент карикатуры К. П. Ротова. 1937

> Рис. 8. Павильон для Экспо-37 в Париже. Конкурсный проект. Слева – предварительные эскизы; справа – фото с макета. Арх. М. Я. Гинзбург с сотрудниками. 1936

2. Конкурсный проект павильона СССР для Экспо – 1937 в Париже (1936)

Проект был выполнен М. Я. Гинзбургом при участии С. О. Лисагора, М. М. Воробьева и А. А. Соломки [10, с. 3]. Долгое время формы павильона представлялись необычайно экстравагантными, и лишь контекст позднего творчества Леонидова позволяет понять и интерпретировать эту необычную архитектуру. Недостающим звеном, придавшим убедительность предположениям о связи этого объекта с возможным влиянием Ивана Леонидова, стали два эскиза, опубликованные в 2013 году [11, с. 77].

Эскизы отражают ранние стадии проектирования и имеют мало общего с итоговым проектом (рис. 8, справа). Однако помещенная в центр их композиции гиперболическая башня (круглая в одном и граненая в другом) является очевидным оммажем леонидовскому проекту НКТП 1934 года (рис. 8, слева).

С учетом проекта комбината «Известий», как было нами показано, многократно и систематически интерпре-

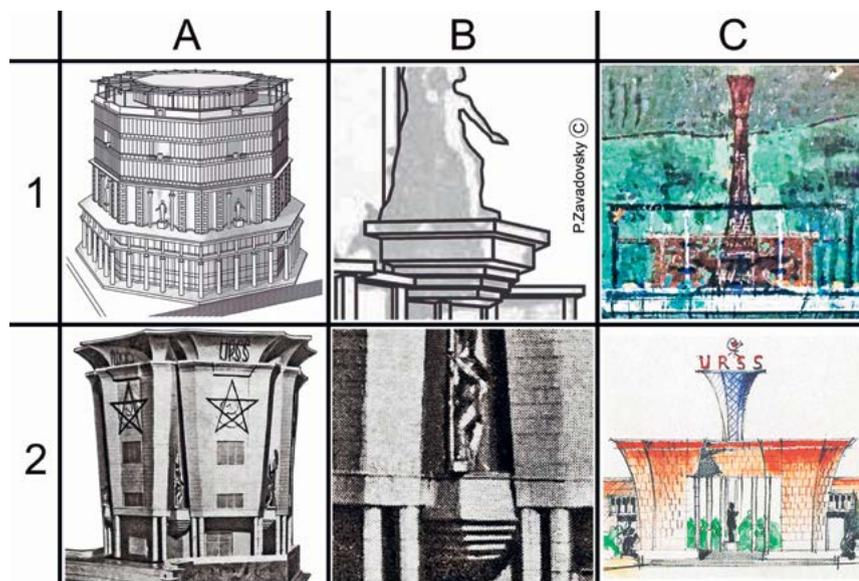
тирующего формальные мотивы И. И. Леонидова, можно провести достаточно детальный анализ форм парижского павильона, результаты которого были сведены нами в таблицу 1 (рис. 9). В верхней строчке таблицы даны формальные аналоги архитектурных тем павильона, показанных в нижней строчке таблицы.

9 А. Сама многогранная форма павильона (рис. 9, 2 А) – вариант многогранного сооружения, многократно предлагавшегося Леонидовым в проектах клубов (впервые – в проекте клуба газеты «Правда», 1933) и сооружений иных назначений (в проекте Южного берега Крыма, 1935–1937). Многогранники в практике группы Гинзбурга впервые появляются в проекте района «Красный Камень» в Нижнем Тагиле (1935), а как отдельное здание – в проекте клубного корпуса комбината «Известий» (1936), следующего как типологии Леонидова, так и его формальному языку (рис. 9, 1 А). Расширение кверху и завершение в виде египетских карнизов-выкружек придает павильону вид огромной египтизирующей капители. Это также помещает павильон в контекст египетских увлечений Леонидова, хотя сам он такое сложно-манерное сооружение едва ли одобрил бы.

9 В. Сложно-крепованное решение углов павильона (рис. 9, 2 В) очевидным образом связано с консольно-вынесенными постаментами для монументальных скульптурных групп в проекте «Известий» (рис. 9, 1 В). Их аналоги в павильоне также являются основаниями для монументальных скульптур (в этом случае – барельефов) и имеют такое же ступенчатое сужение к низу. Подобные сильно вынесенные (в проекте «Известий») консольные площадки имеют единственным прецедентом леонидовские трибуны – «чаги», впервые появившиеся в проекте НКТП и позднее использованные Леонидовым в интерьерах и лестнице санатория в Кисловодске.

9 С. Композиция, организованная вокруг гиперболической башни, видная на предварительных эскизах парижского павильона (рис. 9, 2 С), имеет прямой аналог в сооружениях с панорамами Южного берега Крыма И. И. Леонидова (рис. 9, 1 С). Это говорит о том, что делавшиеся параллельно проекты «Известий», Южного берега Крыма и санатория им. Г. К. Орджоникидзе

в Рис. 9. Таблица 1. Павильон для Экспо-37 в Париже. Конкурсный проект. Формально-стилистический анализ. Арх. М. Я. Гинзбург с сотрудниками. 1936

< Рис. 10. Проект жилого дома «повышенного типа» Гинзбурга-Михайловского (1937) в сопоставлении с проектом «дома вилл» Ле Корбюзье (1922)

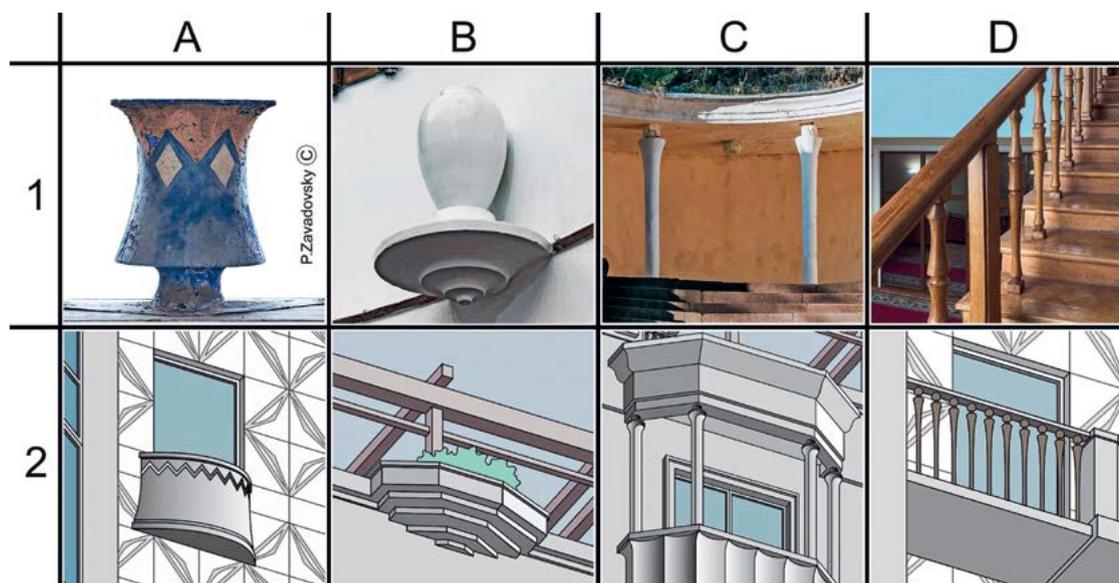
в Кисловодске представляют единый репертуар формальных мотивов, связанный с творчеством И. И. Леонидова.

3. Проект жилого дома «повышенного типа», М. Я. Гинзбург и Ф. И. Михайловский (1937)

Проект был впервые опубликован в номере «Архитектуры СССР», посвященном проектам типового жилья [12, с. 51–52]. Размеры и характер квартир – двухуровневых с двухсветной гостиной и глубокими лоджиями в два этажа – предполагает жильцов, принадлежащих к верхним уровням советской управленческой иерархии. В позднейших монографиях Гинзбурга публиковались только планы, поскольку качество журнальной репродукции перспективы фасада затрудняло ее воспроизведение. Для настоящей статьи на основе этого изображения была заново выполнена аксонометрия. Галерейный дом с двухэтажными квартирами, с гостинными и лоджиями двойной высоты ясно указывают на прототип проекта: «immeubles-villas» Ле Корбюзье, несколько вариантов которых были разработаны Ле Корбюзье в течение

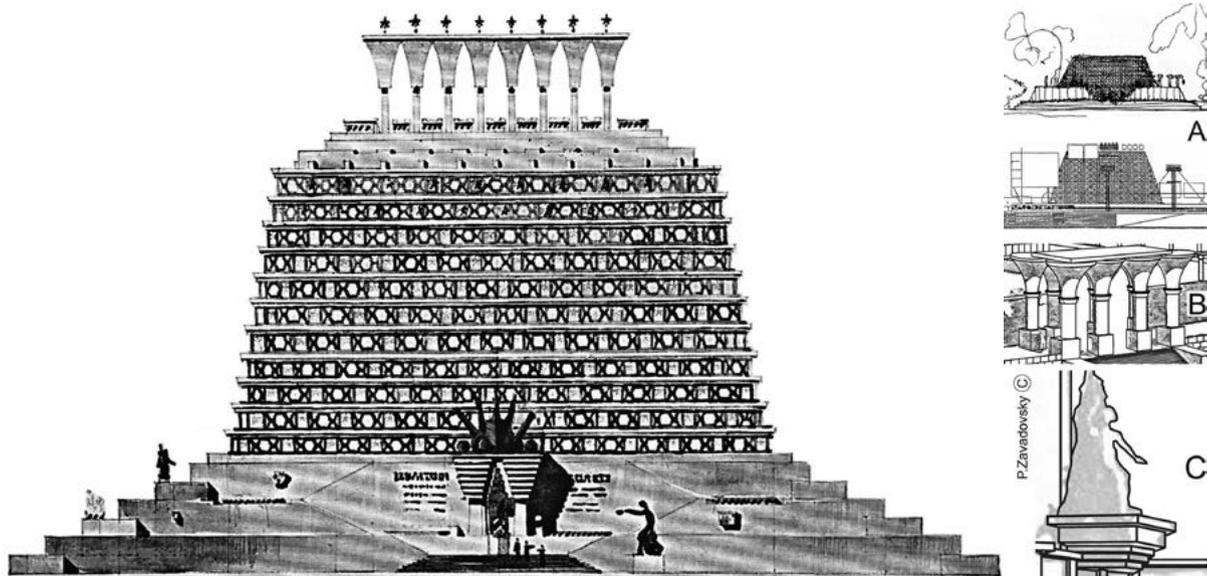
1922–1926 годов (рис. 10, слева). Моисей Гинзбург и в период «освоения наследия» не оставил своих корбюззианских пристрастий. И если его знаменитый дом Наркомфина (1928) возродил интерес Корбюзье к массовому «минимальному жилищу», то ранние опыты Корбюзье с буржуазными «домами вилл» показали Гинзбургу подходящим прототипом «повышенного типа» жилья для советского начальства. Важность этого проекта для всего творчества Гинзбурга состоит в том, что он завершает десятилетие жилищных экспериментов Гинзбурга, начатое работами секции типизации Стройкома в 1927 году и отмеченное преобладающим влиянием Ле Корбюзье.

Разобравшись с корбюззианской в своей основе типологией сооружения, перейдем к рассмотрению стилистики наружной архитектуры. Она знакома по единственно известной авторской перспективе дворового фасада, на основе которой выполнена представленная аксонометрия, с ритмом остекленных граненых эркеров, соответ-

< Рис. 11. Таблица 2. Фасад жилого дома «повышенного типа» Гинзбурга-Михайловского. Формально-стилистический анализ. 1 – леонидовские прототипы; 2 – формальные темы фасада дома. 1937

> Рис. 12. Проект панорамы «Оборона Севастополя». Фасад здания панорамы с аналогами формальных тем.
Арх. М. Я. Гинзбург. 1943

ствующих двусветным гостиным квартир, с лоджиями двойной высоты между ними (рис. 10, в центре и справа). Мы видим здесь уже встречавшиеся нам в предыдущих объектах архитектурные элементы, сведенные в таблицу 2 (рис. 11).

А. Глухим парапетам французских балконов придана форма уплощенных гиперboloидов (рис. 11, 2 А). Зигзагообразный бордюр, идущий по верху парапета, адресует нас к одному из типов раскраски гиперболических ваз 1-го корпуса санатория им. Г. К. Орджоникидзе в Кисловодске (рис. 11, 1 А).

В. Граненые и ступенчатые снизу консольные цветочницы, размещенные по верху объема здания (рис. 11, 2 В), уже знакомы нам по постаментам под скульптуры башни комбината «Известий» и парижского павильона. Наиболее вероятным первоисточником такого решения являются леонидовские полудисковые консольные трибуны в проекте НКТП 1934 года, балкон его знаменитой лестницы в Кисловодске (1936) или показанный здесь постамент под светильник в холле того же санатория в Кисловодске (рис. 11, 1 В).

С. Колонны лоджий, венчающих эркеры, представляют знакомый египтизирующий тип, развивавшийся Леонидовым начиная с проекта НКТП 1934 г. и многократно примененный в санатории Г. К. Орджоникидзе в Кисловодске (рис. 11, С 1–2).

Д. Балюстрады балконов представляют разновидность ограждений внутренних лестниц все того же санатория, составленных из вытянутых гиперboloидов (рис. 11, D 1–2).

Наконец, необходимо упомянуть элементы архитектуры здания, выходящие за рамки леонидовского словаря. Это:

Е. Венчающая здание пергола – излюбленный прием Гинзбурга, восходящий к объектам 1920-х годов, присутствующий в клубе комбината «Известий» и позже многократно реализованный им, начиная с лечебного корпуса санатория в Кисловодске вплоть до последних послевоенных объектов архитектора.

Ф. Декоративная плитка с диагональным орнаментальным мотивом, которой отделаны задние стены лоджий – мотив, нередкий в архитектуре поздних 1930-х годов,

возможно, восходящий к облицовке венецианского дворца Дожей и более Гинзбургом не применявшийся.

4. Проект панорамы «Оборона Севастополя» (1943)

В проектной практике Гинзбурга военных лет, в основном посвященной утилитарным целям военного и послевоенного восстановления, проект здания панорамы «Обороны Севастополя» выделяется своим масштабом и репрезентативным характером. Рассмотрим основные композиционные мотивы центрального сооружения ансамбля.

А. Основной объем здания представляет собой сужающийся кверху ступенчатый объем со стенами, сложенными из ажурных бетонных блоков – решение, встречающееся в западном ар-деко (О. Перре), популярное в советских проектах поздних 1930-х гг. и осуществленное как минимум в одном случае: ныне утраченном павильоне метро Смоленская (Н. Я. Колли и С. Г. Андриевский, 1934). Сужающийся кверху трапециевидный объем рождает понятные ассоциации с египетским пилоном или усеченной пирамидой-мастабой. Тема, популярная в советской архитектуре середины 1930-х гг. Однако особенности ее трактовки Гинзбургом адресуют нас к прецедентам в авангардистском периоде творчества И. И. Леонидова начала 1930-х гг. Сходную со зданием Гинзбурга композицию мы находим на одном из эскизов Леонидова, относящегося к его работе в Игарке в 1931 году [13, с. 101] (рис. 12, А, вверху). Решенная как единая витражная конструкция, мастаба покоится на стилобате, также расширяющемся к низу, не очень далеко от ступенчатого у Гинзбурга. Аналогичная гигантская стеклянная мастаба была предложена бывшими студентами Леонидова в проекте Дворца Советов 1932 г. (проект бригады ВАСИ), и здесь трудно не усмотреть влияния их учителя и кумира (рис. 12, внизу). В леонидовском проекте реконструкции площади Крестьянской Заставы (1932) центр ансамбля занимает сооружение в форме усеченной пирамиды. И если ранний эскиз Леонидова мог быть Гинзбургу неизвестен, то эти два проекта были ему известны наверняка.

В. Сверху мастаба здания панорамы завершена на-весом, составленным из криволинейно расширяющихся кверху опор, с лежащей на них плитой. Предположение

< Рис. 13. Односемейный жилой дом М. Я. Гинзбурга (1944) в сопоставлении с виллой Штайн в Гарше Ле Корбюзье (1926)

о влиянии гиперболической эстетики Леонидова подкрепляется и конкретным аналогом – входным портиком в проекте «колхозного клуба с залом на 800 мест» 1935 г. (рис. 12 В, справа).

С. Входной портал в здание панорамы образуют два пилона, несущие две перевернутые ступенчатые пирамиды, несущие плиту со скульптурной композицией на ней. В этой композиции, не особо рискуя, можно усмотреть развитие консольных постаментов под скульптурными группами в проектах комбината «Известий» (рис. 12 С, справа) и других вышеописанных проектов Гинзбурга.

Таким образом, и этот поздний проект М. Я. Гинзбурга, кажущийся на первый взгляд беспрецедентным, вполне укладывается в логику развития позднего творчества архитектора, тесно связанного с формальным миром Ивана Леонидова.

5. Деревянный односемейный жилой дом (1944)

Этот необычный для своего времени дачный дом скрывает некоторую загадку. Опубликованный его как «одноквартирный загородный дом» Селим Хан-Магомедов не указывает его месторасположения [3, с. 106]. Относительно даты создания также имеются разногласия: то ли 1944, то ли 1945 год. Мог ли быть его владельцем сам Гинзбург или кто-то другой в военные годы имел возможность заказать немаленький частный дом настолько вызывающе модернистской архитектуры?

Судя по всему, это, увы, не сохранившаяся дача самого М. Я. Гинзбурга в поселке СНТ «НИЛ» в Истринском районе, где, начиная с 1935 года, строились многие известные архитекторы: Семенов, Веснин, Владимиров и др. В архитектуре собственной дачи Гинзбург смог реализовать мечту о «вилле», демонстрируя актуальность своих корбюзьянских пристрастий и на излете своей профессиональной карьеры.

Обширная открытая терраса 2-го этажа с ведущей на нее лестницей являются очевидным напоминанием о знаменитой вилле Штайн «Les Terraces» (1926) Ле Корбюзье (рис. 13). При этом сам перевод изначально бетонного корбюзьянского прототипа в дерево имеет прецедент, авторизованный самим Корбюзье: бревенчатый дом Антонина Раймунда в Каруизава (Япония,

который является репликой неосуществленного проекта каменного дома Эррауриц Ле Корбюзье.

6. Санаторий в Нижней Ореанде, М. Я. Гинзбург и Ф. И. Михайловский (1945–1948)

Последними проектами М. Я. Гинзбурга, реализованными уже после его смерти в феврале 1946 года, стали два санатория: «Горный воздух» в Кисловодске (совместно с Н. С. Полюдовым) и санаторий в Нижней Ореанде (с Ф. И. Михайловским). Объект в Кисловодске – по сути, 3-й корпус санатория им. Г. К. Орджоникидзе – интересен как продолжение конструктивистской типологической линии правильных многогранных призм. Однако стилистически здание уже полностью принадлежит послевоенному сталинскому монументализму и выходит за рамки данного исследования.

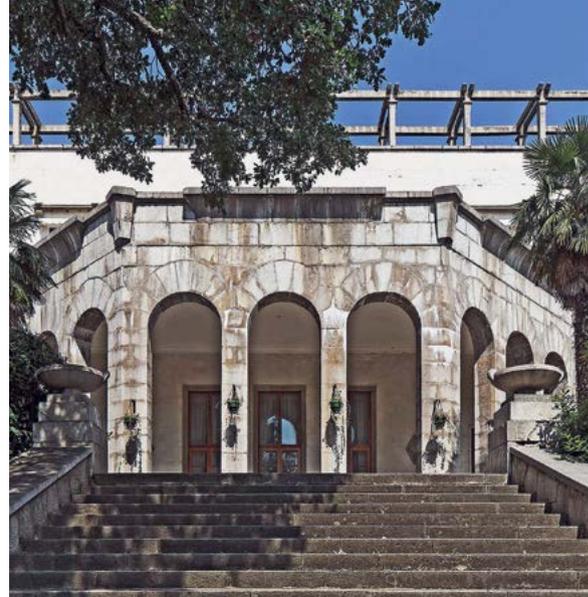
Значительно больший интерес представляет санаторий в Нижней Ореанде. Первый вариант проекта санатория на месте руин сгоревшего еще в 1882 году императорского дворца выполнен И. Ф. Милинисом в 1936 году. Начатое строительство было прервано войной. Обстоятельства перехода объекта к М. Я. Гинзбургу нам неизвестны.

Санаторий имеет два жилых корпуса – № 1, решенный в формах сухой неоклассики, и меньший корпус № 2, экстравагантная архитектура которого и станет предметом дальнейшего рассмотрения.

Лаконичный двухэтажный призматический объем с внутренним двориком увенчан характерной для Гинзбурга перголой. Гладкая облицовка, отсутствие выраженных вертикальных акцентов приближают архитектуру корпуса к мягкому модернизму, близкому межвоенным европейским аналогам. Такой атрибуции не противоречат и аркадные портики первого этажа с деликатным рисунком швов каменной кладки (рис. 14). Здание характерно едва намеченными карнизными полочками при единственном исключении – трехэтажном ризалите северного фасада с карнизом-полкой большого выноса.

При столь сдержанной архитектуре больший вес приобретают немногочисленные декоративные детали. Аркадные портики обоих фасадов имеют участки карниза-выкружки узнаваемо египетского рисунка. А углы южного трехгранного портика акцентированы

> Рис. 14. Санаторий в Нижней Ореанде. Корпус № 2. Вид с севера (слева), вид с юга (справа).
Арх. М. Я. Гинзбург и Ф. И. Михайловский. 1945–1948.
Фото Н. Васильева

клиновидными креповками. Напоминая решение углов в проекте парижского павильона, эти клиновидные акценты выглядят следующей стадией трансформации элемента, исходно бывшего консольной трибуной, затем основанием для скульптуры или цветочницы (рис 15 E). Южный, обращенный к морю портик с его тремя идентично трактованными гранями логично встает в ряд позднеконструктивистских многогранных призм, особенно учитывая параллельное проектирование Гинзбургом многогранника санатория «Горный Воздух» в Кисловодске (рис. 15 A). Египетские ассоциации поддержаны формой колонн лоджии третьего этажа северного фасада (рис. 14, слева). Эти колонны прямо соотносятся со своими предшественницами в проекте комбината «Известий», отличаясь от них восьмигранным (вместо круглого) сечением. Стойки перголы с характерным криволинейным расширением сверху принадлежат той же, леонидовской в своих истоках, линии (рис. 15 B).

Существенной частью стилистики позднего Леонидова являются вазы и фонтаны. Есть они и в Нижней Ореанде. Фонтан во внутреннем дворе, представляющий собой стилизованное граненое соцветие, в то же время продолжает линию леонидовских гиперболических объектов (рис. 15 C). Пара ваз, фланкирующих подход к санаторию с севера, своей параболической формой соотносится с другой разновидностью ваз Леонидова. Ваза у Гинзбурга, в отличие от круглых леонидовских, опять же, граненая (рис. 15 D).

В таблице 3 (рис. 15) в хронологическом порядке показаны архитектурно-декоративные темы И. И. Леонидова с таковыми же у М. Я. Гинзбурга. Нетрудно заметить, как в творчестве И. И. Леонидова экстравагантные формы зданий начала 1930-х к середине десятилетия переходят в масштаб архитектурных деталей и декоративных элементов. А у позднего Гинзбурга этот уже сложившийся репертуар декоративных приемов эволюционирует в формы санатория в Нижней Ореанде. Единственной темой, сохранившей архитектурный масштаб, оказывается многогранная призма, а круглые у Леонидова консоли, вазы и колонны Гинзбург также превращает в граненые – шести- или восьмигранные.

В заключение процитирую фрагмент из бесед С. О. Хан-Магомедова с И. Г. Кузьминым: «В 1944–1945 годах Леонидов работал над оформлением интерьера в санатории в Ореанде – банкетный зал (или гостиная). Очень хороший был проект <...>. Но ничего не было сделано. Проект утрачен. Но развертка одной из стен сохранилась у Кузьмина и он отдал ее сыну архитектора» [14, с. 323].

Данный фрагмент ставит ряд вопросов: требует уточнений датировка; упомянутый чертеж развертки в настоящее время неизвестен.

Тем не менее, это важное свидетельство сотрудничества Леонидова с Гинзбургом вплоть до последних лет жизни последнего. И еще один аргумент в пользу сформулированной в статье концепции стилистики позднего конструктивизма как единого феномена, начало которому было положено И. И. Леонидовым в 1933–1934 гг., пик популярности приходится на 1936–1938 гг., а признаки бытования прослеживаются вплоть до 1945–1946 гг.

Литература

1. Завадовский, П. К. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 112–119
2. Завадовский, П. К. Иван Леонидов: предполагаемые реализации в Кисловодске и Москве // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 88–96
3. Хан-Магомедов, С. О. Моисей Гинзбург. – Москва : Архитектура-С, 2007. – 135 с. : ил.
4. Селиванова, А. Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. – Москва : Буксмарк, 2020. – 320 с.
5. Чепкунова, М. Р., Аметова, М. Р. Архитектор Игнатий Милинис. От конструктивизма к модернизму. – Москва : ГМА им. А. В. Щусева, Кучково поле, 2019. – 208 с.
6. Dukhan, I. Typology and ideology: Moisei Ginzburg revisited. – URL: <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/> (дата обращения: 24.11.2020)
7. URL: <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/photograph-of-a-model-for-the-editing-block-of-the-izvestiia-newspaper-combine-moscow/> (дата обращения: 24.11.2020)
8. URL: <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/photograph-of-a-model-for-the-club-of-the-izvestiia-newspaper-combine-moscow/> (дата обращения: 24.11.2020)
9. Le Corbusier. Oeuvre Complète, vol. 2 (1929–1934). – Basel : Birkhauser, 1995. – 199 p.

10. Архитектурная газета. – 1936. – № 32. – С. 4
11. Подгорская, Н. О. Павильоны СССР на международных выставках. – Москва : Майер, 2013. – 223 с.
12. Типовые проекты архитектурно-проектной мастерской № 3 Наркомтяжпрома // Архитектура СССР. – 1937. – № 11. – С. 45–59
13. Gozak, A., Leonidov, A. Ivan Leonidov. – London : Academy Editions, 1988. – 216 с. : ил.
14. Хан-Магомедов, С. О. Кумиры авангарда. Иван Леонидов. – Москва : Фонд «Авангард», 2010. – 32(68) с.

References

Arkhitekturnaya gazeta [Architectural newspaper] (1936). 32, 4.

Chepkunova, M. R., & Ametova, M. R. (2019). Arkhitektor Ignatyi Milinis. Ot konstruktivizma k modernizmu [Architect Ignatyi Milinis. From constructivism to modernism]. Moscow: GMA im. A. V. Shchuseva, Kuchkovo pole.

Dukhan, I. (2013). Typology and ideology: Moisei Ginzburg revisited. <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/>

Gozak, A., & Leonidov, A. (1988). Ivan Leonidov. London: Academy Editions.

Khan-Magomedov, S. O. (2007). Moisei Ginzburg. Moscow: Arkhitektura-S.

Khan-Magomedov, S. O. (2010). Kumiry avangarda. Ivan Leonidov [Heroes of avant-garde. Ivan Leonidov]. Moscow: Fond "Avangard".

Le Corbusier. (1995). Oeuvre Complète, vol. 2 (1929–1934). Basel: Birkhauser.

Photograph of a model for the club of the Izvestiia newspaper combine (2017, June 24). [Photograph] Moscow. <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/photograph-of-a-model-for-the-club-of-the-izvestiia-newspaper-combine-moscow/>

Photograph of a model for the editing block of the Izvestiia newspaper combine (2017, June 24). [Photograph] Moscow. <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/photograph-of-a-model-for-the-editing-block-of-the-izvestiia-newspaper-combine-moscow/>

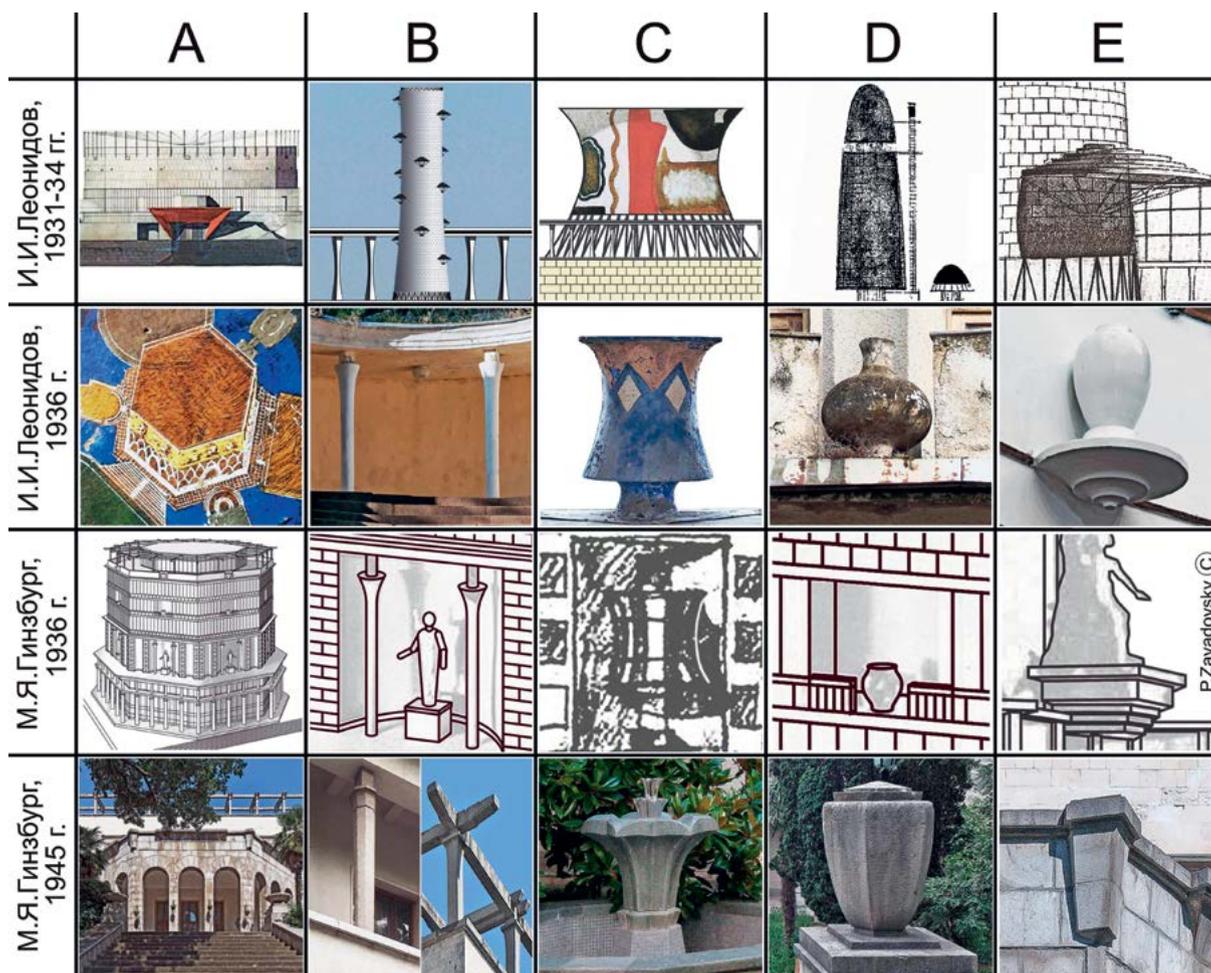
Podgorskaya, N. O. (2013). Pavilyony SSSR na mezhdunarodnykh vystavkakh [USSR pavilions at international exhibitions]. Moscow: Mayer.

Selivanova, A. N. (2020). Postkonstruktivism. Vlast i arkhitektura v 1930-e gody v SSSR [Postconstructivism. Power and architecture in the 1930s in the USSR]. Moscow: Buksmart.

Tipovye proekty arkhitekturno-proektnoi masterskoi № 3 Narkomtyazhproma [Standard projects of Narkomtyazhprom architectural and design bureau № 3] (1937). Arkhitektura SSSR, 11, 45–59.

Zavadovsky, P. (2019). Ivan Leonidov and the "Narkomtyazhprom" Style. Project Baikal, 16(62), 112–119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1544>

Zavadovsky, P. (2020). Ivan Leonidov: supposed realizations in Kislovodsk and Moscow. Project Baikal, 17(66), 88–96. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1723>

^ Рис. 15. Таблица 3. Эволюция «стиля Наркомтяжпром». В нижней строчке – элементы архитектуры корпуса № 2 санатория в Нижней Ореанде как ее результат